

БАШКИРСКИЕ СТИХИ

Послаша башкирским друзьям

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Посред башкирского апрака,
При мерцанах всех лебесных тен,
Ум на небо темное смотрел,
И над нами

Спутник пролетал...

А сегодня
Я не в состоянии
Соединяться с ТАСС,—
Нет,
не прекратил существование
Спутник, народившийся у нас!

Мы его в дорогу сбирали
И расправить крылья помогали...

Он уходит
в вечность
по спирале,

Как частца
Матушки-Земли.

И среди седого миозданья,
Не теряя кровного тепла,
«Лайка» —

симпатичное создание —

Лает
На небесные тела.

САЛАВАТ И САЛАВАТЫ

Нефтяники города Салаеват

Салаеват для салаеватца —
Это в глубь земли врываться,
К небу вышмыкаться,
Морем нефти разливаться.

Салаеват для салаеватца —
Это силой наливаться,
Новоселом называться,
Если трудно —

не сдаваться.

Салаеват для салаеватца —
Это в дружбе раскрываться,
В искренних чувствах признаваться,
С неизгладимой целоваться.

Салаеват для салаеватца —
Это жить,
Соревноваться,
Наступать
И добиваться,
И прятом —

не зазнаваться!

ФАКЕЛЫ

Вечерний сумрак все темней.
Летят «Победы» пустыри.
При свете факельных огней
Вонючий дымит индустрия.

Любимец муз
Навсегда рад,
Он пристает с сидения:
— Смотрите,
Факел горят!
Силошное заглядение!

Но парень с нефтепромыслов
Отважен
Не без холода:
— Горят красно, нету слов, —
Но это гниет золото.

Ведь каждый факел —
Это газ...
И мы, во всяком случае,
Добьемся,
Чтобы он погас.
Пора беречь горючее!..

И разлюбил
Любимец муз
Те факелы большущие, —
И намотал себе на ус.
Что это
Язвы сущая!

БАШКИРСКАЯ ЗАРИСОВКА

Витает дым в заоблачных высотах.
Орут грачи на ветлах у дорог.
И первым медом в золотистых соках,
И тейлой нефтью
Дышит ветерок.

И вьется пар,
И сохнет мостовая,
И свет танки,
Что слезы бьют из глаз.
И где-то в небе,
Солнце затмевая,
С пучком огня
Колдует ветерок.

Изображение

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТА И МАСТЕРСТВО КРИТИКА

На примере книги Л. Новицкого о творчестве П. Тычинин в первые послереволюционные годы можно говорить о некоторых важных для всей нашей критики вопросах методологического характера...

1. Книга называется «Поззия и революция». Автор привлекает богатый, с русским читателем малоизвестный, а для украинского по-новому разработанный историко-литературный материал. Документы, журналы, хроника общественно-политической и литературной жизни 20-х годов — всем этим Л. Новицкий оперирует свободно, умело, «к месту», значительно обогащая «фоном» своих выводов относительно творчества Тычинин. Есть одно обстоятельство, объективно способствовавшее тому, чтобы в книге о Тычинине повести широкий историко-литературный разговор: по силе своего таланта, по идейно-естетической значительности первых же своих шагов Тычинин сразу встал в центральный поток развития украинской литературы. По существу, в книге выражена воля Л. Новицкого вообще на украинский историко-литературный процесс тех лет. В этой связи можно спорить и просто уточнять некоторые формулировки Л. Новицкого, но главные тенденции развития украинской поэзии того времени прослежены, как нам представляется, глубоко аналитично и — немаловажное достоинство! — вполне определенно в общих выводах, без той мигкотели полонинчатости, которая сейчас довольно часто в литературоедческих исследованиях, которая иногда даже выдается за «объективность» («абсолютность!»), «диалектический подход в предмете» и т. п. и которая на самом деле есть нежелание или опасение литератора выделить и обнаруживать свою общую (из анализа всех «сложностей» и «сторон») выводы.

В ходе разговора о литературном движении на Украине Л. Новицкий рассматривает творчество многих крупных украинских поэтов того времени, очень разных и по идейной направленности своих исканий, и по характеру своих талантов. Сопоставление Тычинин с его современниками многое проясняет в позиции и творчестве исследуемого поэта: Л. Новицкого показывает, как отталкивалась Тычинин от модернистской поэтики, какими чуждыми оказались для него разного рода космополитически-конструктивистские и футуристические тенденции, и делает четкий вывод: творчество Тычининшло в основном русле украинской поэзии — революционное, борющееся за социализм.

Но «руло» — «руслом», а Тычинина — Тычиной...

В литературоедении немало работ, пифос которых, если говорить огрубляя, состоит в подведение разных писателей под одну рубрику (скажем: «к концу 20-х годов в позициях социалистического реализма приближаются писатели...», и следует список). Конечно, литератору может и должен интересоваться общими закономерностями литературного процесса, но его, литератора, обобщения не должны при этом превращаться в тощие баланто-перечислительные абстракции, где уже потеплело все разнобразие живого содержания. Умение раскрыть общие закономерности, не обеспечивая индивидуальную судьбу очень своеобразного поэта, — это большое и, как нам думается, принципиальное достоинство книги Л. Новицкого.

Книга названа «Поззия и революция», но ее основной стержень, конечно, — поэт и революция, или, еще точнее, — путь Тычинин к революции и в революции, путь, который привел его в 30-е годы к популярности и до сего дня цитируемым книгам «Партия ведет» и «Чувство семьи единой».

Подробно прослеживая творческий путь Тычинин, внимательно раскрывая особенности того или иного его стихотворения, Л. Новицкий не растворяется в частностях, а все время дает читателю почувствовать главную нить своего исследования. Критик как бы спрашивает постоянно: что привело Тычинину к революции? И отвечает: во-первых, созидательный, обновляющая сила самой революции, а во-вторых, — «если революция читает (и переводит, добавим мы... Ю. С.) поэты, то успеши учится у нее могут лишь постоянные...». «Особенно интересна и поучительна в поэзии Тычинин ее глубокая честность и ответственность перед тем, что он кратко и торжественно называл в своих стихах «Суть». Если употреблять современную терминологию, то «Суть» в данном случае — это главные, ведущие тенденции развития действительности, это правда жизни в самых важных ее проявлениях, то есть именно то, самое пристальное внимание к теме требует от художника метод социалистического реализма».

Леонид Новицкий. «Поззия и революция». Москва. «Советский писатель». 1957.

НА ВЫСТАВКЕ РЕРИХА

РЕРИХ начал свой творческий путь необыкновенно: его картину «Гонец» прямо с ученической выставки приобрел П. М. Третьяков для своей галереи. В этой картине двадцатилетний художник открыл проявления основных черт своего дальнейшего творчества: яркое колористическое деревенение, так ярко расставленное в его последующих работах, и силу творческого воспроизведения, заставляющую зрителя увидеть въезд в образы седой древности.

Эту верность «зовам древности» художник хранил до конца своей жизни. Он видел многое и многое знал. Его увлечение археологическими раскопками, его многочисленные поездки по древним русским городам, его экспедиции по малоизвестным областям Азии давали ему опыт и знания подлинного ученого. Переплавленные в горниле искусства, материалы этих экспедиций превратились в образы древней красоты, увиденной по-новому.

Иные из философских концепций Рериха для нас чудны и непримлемы, но живая практика его деятельности и в особенности живая прелест его картин находят широкий отклик среди зрителей.

Мы помним, что Рерих один из первых (если не

Ю. СУРОВЦЕВ

2. За всех скажу, за всех переболело, мне каждый час — на исповедь, на суд.

Лирическая сущность тычининского таланта выражена в этих его стихотворах совершенно исчерпывающе. Тычинин — лирик («лирик из лириков», — так назвала его критика еще в 1924 году). Но что это такое — «поэт-лирик»?

По наиболее распространенным представлениям, лирик — это когда перед вами авторское «я». И это действительно так, если это «я» понимать не в узком смысле (скажем, нечто «замкнулось в своем я», а в широком: поэт, неизвестному выражению Горького, должен быть эхом мира, а не только эхом своей души). Следует учитьвать еще и другое (что хорчено ученено в книге Новицкого): различия, так сказать, модификации этого «я», этого личного переживания, как угла зрения на мир именно лирика. Быть лириком — это не значит думать все в одни «свою» дулу. К сожалению, сейчас в нашей лирической поэзии подобное думается, как говорится, чаще, чем следовало бы, и однозначно приводится высокий термин — «своеобразие». Обращение к творчеству крупных, действительных оригинальных лириков нашей многонациональной литературы еще потому сейчас полезно, что толкает сего-дня к умственному познанию эти способности, которые позволяют не просто способность эстетического сопереживания, которая есть у каждого читателя, но особая интенсивная степень этой способности, особый талант личного проникновения в «чужое» творение, талант, который способен не художественному, то может быть, актерскому.

Книга Л. Новицкого показывает, что ее автор в большой мере обладает этим талантом. При этом свои психологически-субъективные толкования критик проводит соображениями историко-литературного и теоретического порядка; вернее же сказать: объективное и субъективное идут у него вместе, подчищены единой задаче синтетического анализа.

Исследователь, богатейший украинской поэзией, который целиком рядом убедительных примеров показал конкретно, что именно из наследства украинской литературы Тычинин единообразно «самовыражение», поэт часто ведет, создавая лирические типы, которых предстают слово — по очереди или хором: драматическое содержание стихов часто диктует поэту и драматизировано, диалогическая композиция. И при всем том и лирико-эпические картины типа «На майдане», в импрессионистических пейзажах «Пастели», и патетический «Исаака Железу», и гневные инвективы, направленные против эстетов и националистов, — все это образы подлинной лирики, ибо основной предмет художественной типизации в этих произведениях — личное переживание, «мое к этому отношение», как любят говорить Майновский.

В своей книге Новицкий ведет разговор о романтическости тычининского стиля. В литературоедении есть также точка зрения: были, мол, поэты, положительные романтики которых заключалось в движении от романтизма к реализму. Развинула Тычинин от мечтательных «Солнечных клаудов» к реальности классовой борьбы, выраженной в других сборниках, тоже можно обозначить как «утверждение реализма», но это не реализм приемов художественной типизации, это движение, по справедливому утверждению автора Тычинин, «не отменяет...» того факта, что Тычинин был и остается в основном художником романтического склада, романтического мироощущения. Воровский в свое время разъяснил, что романтик воспринимает и воспроизводит мир «в преувеличениях линий», в гущенных красках, что его образы поэтому «необычно выщуплы, ярки, красочны». В лирике Тычинин мы не найдем «спокойной» фиксации психологических состояний: Тычинин — романтик. И в его романтике есть безусловная жизненная достоверность, правда в широком смысле слова. Новицкий ратует за разнообразие стилей художников, объединенных одним знаменем социалистического реализма.

Таким образом, тонкости и «синтетичность» художественного анализа способствуют у Новицкого высокой профессиональной культуры, его теоретические познания, его эрудиция. Будем откровенны — этих качеств недостает нашей критике в целом и многим из наших критиков «персонально»! Смелые, но обоснованные литературные сопоставления, свободное понимание всяких «сложностей» теории стихии и просто («просто!») хорошее знание закономерностей развития языка — все это позволяет Л. Новицкому рассуждать о стиле Тычинин с завидной точностью и ясностью. Наша критика, как правило, плохо знает ее, и это видно не только из того, что в своей книге она цитирует некоторые языковедческие работы, но и потому, что ее собственные обобщения, скажем, относительно ритмического и лексического своеобразия Тычинин, основаны на прочном научно-лингвистическом основании!

Отличительная особенность таланта Тычинин — любовь в образах широкого значения, к образам-символам. Новицкий утверждает, что тычининская символика в основном — тоже явление романтического стиля, что символика вовсе не противопоставлена поэтике социалистического реализма. Необходимо и здесь, как нам кажется, согласиться с критиком: философская символика и символизм совсем не одно и то же. Философская символика — сильная и своеобразная сторона Тычинин.

И все-таки в суждениях о чисто философской лирике Тычинин нам бы хотелось несколько и поспорить с Л. Новицким. Критик признает тычининскую символику как средство, то есть в тех случаях, когда «поэт... открывает обще... в частном», когда он давал символы, «как бы подтверждавшие и облекавшие живой плотью философскую правоту революции» (образ ветра, плуга, солнца и т. п.). Но ведь кроме этого, у Тычинин были попытки открыть «общее» не в данном «частном», а прямо во всем объеме этого «общего», открыть философскую правоту революции лирическими размышлениями прямо на эту тему; у Тычинин

были попытки, — отважимся сказать, — научно-философской (очень редкой сейчас у нас) позиции. То, что Тычинин, работающая в этом жанре, многое теряла, это верно. Критики справедливо упрекают его в абстрактности некоторых философских стихов, в сухости, в потере лирической непосредственности и т. п. Но только ли неудачи были здесь у Тычинин? И так ли уж всегда неподготовлены этот философизм, это стремление в «космос»? Общепринятое отношение к «космическим» стихам Тычинину у Новицкого не всегда проведено так убедительно и конкретно, как это свойственно его анализу в целом. Например, несерьезно, право, для такой серьезной книги противопоставлять «отвлеченным», философским произведениям такие, идущие от «самого жизненного факта» стихи, то есть другого жанра стихи, как «Гренада» Светлова. Если сравнивать, так сравнимое — философскую лирику Тычинин с такой же лирикой, скажем, у Франко, Райниса или Чаренца.

3. И до сегодня, по нашему мнению, актуален сальериевский вопрос: как средствами анализа выразить эстетический синтез художественного произведения, передать аромат цветка, создавая нечто иное, чем цветок, как «повернуть алгеброй гармонию»? А если вообще не удачно для гармонии сделать это невозможно, то как сделать, чтобы учреждение было минимальным? Тут от критика, как нам думается, нужна не просто способность эстетического сопереживания, которая есть у каждого читателя, но особая интенсивная степень этой способности, особый талант личного проникновения в «чужое» творение, талант, который способен не художественному, то может быть, быть актерскому.

Книга Л. Новицкого показывает, что ее автор в большой мере обладает этим талантом. При этом свои психологически-субъективные толкования критик проводит соображениями историко-литературного и теоретического порядка; вернее же сказать: объективное и субъективное идут у него вместе, подчищены единой задаче синтетического анализа.

Исследователь, богатейший украинской поэзией, который целиком рядом убедительных примеров показал концепцию «самовыражения», поэт часто ведет, создавая лирические типы, которых предстают слово — по очереди или хором: драматическое содержание стихов часто диктует поэту и драматизировано, диалогическая композиция. И при всем том и лирико-эпических картины типа «На майдане», в импрессионистических пейзажах «Пастели», и патетический «Исаака Железу», и гневные инвективы, направленные против эстетов и националистов, — все это образы подлинной лирики, ибо основной предмет художественной типизации в этих произведениях — личное переживание, «мое к этому отношению», как любят говорить Майновский.

В своей книге Новицкий ведет разговор о романтическости тычининского стиля. В литературоедении есть также точка зрения: были, мол, поэты, положительные романтики которых заключалось в движении от романтизма к реализму. Развинула Тычинин от мечтательных «Солнечных клаудов» к реальности классовой борьбы, выраженной в других сборниках, тоже можно обозначить как «утверждение реализма», но это не реализм приемов художественной типизации, это движение, по справедливому утверждению автора Тычинин, «не отменяет...» того факта, что Тычинин был и остается в основном художником романтического склада, романтического мироощущения. Воровский в свое время разъяснил, что романтик воспринимает и воспроизводит мир «в преувеличениях линий», в гущенных красках, что его образы поэтому «необычно выщуплы, ярки, красочны». В лирике Тычинин мы не найдем «спокойной» фиксации психологических состояний: Тычинин — романтик. И в его романтике есть безусловная жизненная достоверность, правда в широком смысле слова. Новицкий ратует за разнообразие стилей художников, объединенных одним знаменем социалистического реализма.

Таким образом, тонкости и «синтетичность» художественного анализа способствуют у Новицкого высокой профессиональной культуры, его теоретические познания, его эрудиция. Будем откровенны — этих качеств недостает нашей критике в целом и многим из наших критиков «персонально»! Смелые, но обоснованные литературные сопоставления, свободное понимание всяких «сложностей» теории стихии и просто («просто!») хорошее знание закономерностей развития языка — все это позволяет Л. Новицкому рассуждать о стиле Тычинин с завидной точностью и ясностью. Наша критика, как правило, плохо знает ее, и это видно не только из того, что в своей книге она цитирует некоторые языковедческие работы, но и потому, что ее собственные обобщения, скажем, относительно ритмического и лексического своеобразия Тычинин, основаны на прочном научно-лингвистическом основании!

Отличительная особенность таланта Тычинин — любовь в образах широкого значения, к образам-символам. Новицкий утверждает, что тычининская символика в основном — тоже явление романтического стиля, что символика вовсе не противопоставлена поэтике социалистического реализма. Необходимо и здесь, как нам кажется, согласиться с критиком: философская символика и символизм совсем не одно и то же. Философская символика — сильная и своеобразная сторона Тычинин.

И все-таки в суждениях о чисто философской лирике Тычинин нам бы хотелось несколько и поспорить с Л. Новицким. Критик признает тычининскую символику как средство, то есть в тех случаях, когда «поэт... открывает обще... в частном», когда он давал символы, «как бы подтверждавшие и облекавшие живой плотью философскую правоту революции» (образ ветра, плуга, солнца и т. п.). Но ведь кроме этого, у Тычинин были попытки открыть «общее» не в данном «частном», а прямо во всем объеме этого «общего», открыть философскую правоту революции лирическими размышлениями прямо на эту тему; у Тычинин

АЛЬМАНАХ ВЕТЕРАНОВ РЕВОЛЮЦИИ

СРЕДИ авторов этого литературного объединения Москвы, недавно организованного, нет почти ни одного, кто не был бы старше шестидесяти. Здесь можно встретить первых рабочих драматургов «Правды», организаторов конспиративных квартир, ветеранов большевистского подполья. Многие из них печатали свои произведения в журналах, сбоянках, некоторые являются авторами книг.

В один из последних «литературных сред» объединения — день, когда обычно обсуждаются новые произведения, читал свои воспоминания Б. И. Иванов, член партии с 1906 г. Он — автор нескольких книг о событиях дореволюционного прошлого, участник которых он был. «Минувшее» — так называл Б. Иванов свою новую рукопись. Автор воскликнул: «Минувшее» — это стремление в «космос»! Общепринятое отношение к «космическим» стихам Тычинину у Новицкого не всегда проведено так убедительно и конкретно, как это свойственно его анализу в целом. Например, несерьезно, право, для такой серьезной книги противопоставлять «отвлеченным», философским произведениям такие, идущие от «самого жизненного факта» стихи, то есть другого жанра стихи, как «Гренада» Светлова. Если сравнивать, так сравнимое — философскую лирику Тычинин с такой же лирикой, скажем, у Франко, Райниса или Чаренца.

Однако в книге Новицкого есть и другие ошибки.

— Ох, и тяжела же шапка редакторская! — сказал мой собеседник.

— Если бы не рабочий стол, заваленный рукописями, книгами, журналами, блокнотами.

Главный редактор журнала беседовал с авторами, отвечал на телефонные звонки, прошматывал редакционную почту.

— Ох, и тяжела же шапка редакторская! — сказал мой собеседник.

— Если бы не рабочий стол, заваленный рукописями, книгами, журналами, блокнотами.

Главный редактор журнала беседовал с авторами, отвечал на телефонные звонки, прошматывал редакционную почту.

— Ох, и тяжела же шапка редакторская! — сказал мой собеседник.

— Если бы не рабочий стол, заваленный рукописями, книгами, журналами, блокнотами

